

Сургуладзе Вахтанг Шотович*, кандидат философских наук ведущий эксперт Аналитической группы "С.Т.К."

"Мягкая" и "жесткая" сила гегемонии: теория и практика¹

Из-под пера известного британского историка вышло необычное исследование феномена гегемонии². Перри Андерсон – один из ведущих теоретиков движения "новых левых", в прошлом главный редактор журнала *New Left Review*. Известность он приобрёл благодаря значительному числу исторических работ, посвящённых анализу общества с позиций исторического материализма³. Необычность подхода П. Андерсона заключается в том, что в своей книге он фокусирует внимание не на конкретных исторических, политических либо социальных, классовых примерах гегемонии, а на истории этого понятия в целом, вариантах его интерпретации, традициях и практике его использования в разные времена и у разных народов. При этом автор большое внимание уделяет содержанию этого сложного и неоднозначно трактуемого понятия, в результате чего его "Перипетии гегемонии" становятся не только интеллектуальным политологическим исследованием, но и научным изысканием в сфере сравнительно-исторического языкознания и политической лингвистики.

Сегодня понятие гегемонии широко применяется и, как кажется, не нуждается в чётком определении, поскольку встречается повсеместно, особенно в литературе, посвящённой проблематике международных отношений, и в политологических работах⁴. Между тем книга британского историка

* bafing@mail.ru

¹ Рецензия на книгу: *Андерсон П. Перипетии гегемонии* / Перри Андерсон ; пер. с англ. Д. Кралечкина ; под науч. ред. В. Софронова. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. 296 с. (Б-ка журн. "Логос").

² Англоязычное издание работы: *Anderson P. The H-Word: The Peripeteia of Hegemony*. L.: Verso, 2017. 208 p.

³ См., напр.: *Андерсон П. Истоки постмодерна* / Пер. с англ. А. Апполонова; под ред. М. Маяцкого. М.: Территория будущего, 2011. 200 с.; *Он же. Родословная абсолютистского государства* / Пер. с англ. И. Куриллы. М.: Территория будущего, 2010. 510 с.; *Он же. Переходы от античности к феодализму* / Пер. с англ. А. Смирнова; под ред. Д.Е. Фурмана. М.: Территория будущего, 2007. 285 с.; *Он же. Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма* / Пер. с англ. М.: Интер-Версо, 1991. 267 с.; *Anderson P. Arguments within English Marxism*. L.: Verso, 1980. 217 p.; *Idem. A zone of engagement*. L.; N.Y.: Verso, 1992. XIV + 384 p.; *Idem. The Indian Ideology*. New Delhi: Three Essays Collective, 2012. VI + 238 p.; *Idem. American Foreign Policy and Its Thinkers*. L.: Verso, 2017. 288 p.

⁴ *Russett B. Hegemony and Democracy*. N.Y.: Routledge, 2011. XIV + 267 p.; *Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics*. N.Y.: W.W. Norton, 2001. 555 p.; *Блохин К.В. Крестоносцы холодной войны: Американский неоконсерватизм: Идеология и практика глобальной гегемонии*. М.: Весь Мир, 2016. 172 с.; *Сургуладзе В.Ш. Идеология глобальной гегемонии: История становления и развития внешнеполитической стратегии американского неоконсерватизма* // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2018. Т. 20. № 4. С. 616–623.

убедительно раскрывает многообразие возможных интерпретаций гегемонии, подчас с неожиданной стороны.

П. Андерсон достаточно подробно анализирует использование понятия "гегемония" в Древней Греции, рассматривает его второе рождение в середине XIX столетия в Германии, останавливается на эволюции его трактовок в Советской России, фашистской Италии, Соединённых Штатах во время холодной войны и на современном этапе.

Особый размах монографии придают попытки проследить понимание гегемонии в незападных обществах – постколониальной Индии, феодальной Японии, Древнем, маоистском и современном Китае.

Большое внимание автор уделяет британской традиции понимания гегемонии. Кругозор и географический охват рассмотрения интересующей его проблематики характерны для многих британских исследователей, хорошо знакомых с культурой разбросанных по всему миру бывших колоний Британской империи. Такой же широкий кругозор был свойственен и работам старшего брата Перри Андерсона – Бенедикта, британского политолога и социолога, получившего всемирную известность благодаря книге "Воображаемые сообщества", в которой, помимо известных примеров становления западного национализма, анализировался опыт развития национализма в незападных обществах⁵.

Возникновение термина "гегемония" П. Андерсон связывает с временами Гомера и греческим глаголом "вести", "направлять". Он отмечает, что у Гомера слово "гегемония" употребляется в качестве обозначения руководства союзом городов-государств, возникшего ради достижения общих военно-политических целей. В данном контексте она рассматривалась как почётное положение, которое занимала Спарта в период сопротивления персидскому вторжению в Грецию. Гегемон в таком понимании был первым среди равных, избранным руководителем общего дела. Этот тип лидерства предполагал согласие, присоединение и добровольное вовлечение.

П. Андерсон указывает, что уже Фукидид провёл строгое разделение между основанной на добровольном согласии гегемонией и прибегающей к жёсткому принуждению "архе"⁶. Историк приводит интересные примеры трансформации отношения древних греков к содержанию этих понятий в связи с изменением баланса военно-политического могущества. П. Андерсон отмечает, что лидерство в рамках гегемонии "ограничивалось отдельной миссией, не являясь общим авторитетом. Так, кому-то могли поручить командовать на поле боя. Война, а не мир, – вот область применения гегемонии. Но поскольку военное командование является самым непреложным из всех видов руководства, гегемония с самого начала была применением безусловной власти. Подобная власть была временной и неограниченной"⁷. При этом, резонно констатирует автор, естественным и предсказуемым развитием событий становилось желание гегемона продлить сроки своих полномочий и расширить границы своей власти.

⁵ Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Бенедикт Андерсон; [пер. с англ. В.Г. Николаева; под ред. С.П. Баньковской]. М.: Кучково поле, 2016. 413 с.

⁶ Андерсон П. Перипетии гегемонии. С. 11. Ср.: *Wickersham J. Hegemony and Greek Historians (Greek Studies: Interdisciplinary Approaches)*. L.: Rowman and Littlefield, 1994. 192 p.

⁷ Андерсон П. Перипетии гегемонии. С. 13.

Приводимые автором примеры вызывают ассоциации с аналогичной логикой содержательной политической эволюции другого, быть может, ещё более важного для истории политической мысли, мировой истории и политологии понятия "империй", трансформировавшегося из мандата на временную исключительную, неограниченную военную власть военачальника в титул пожизненного и полновластного правителя – императора, а затем в политическое понятие империи⁸.

Примечательно, что уже у древнегреческих авторов П. Андерсон отмечает идеологизированные оценки гегемонии: в период могущества поддерживаемых ими политических режимов они восхваляли власть – "архе", во времена упадка могущества – идеализировали добровольную "мягкую" гегемонию как союз равных⁹.

Приводимые британским историком примеры развития логики политического могущества и её осмысления актуальны во все времена. Автор передаёт характерные размышления афинского ратора Исократа, отмечавшего, что афиняне "традиционно не оскорбляли эллинов, но оказывали им услуги", "считали своим долгом быть полководцами, а не тиранами", объяснявшего, что, если жители Мелоса были истреблены, это значит, что им просто воздали по заслугам: "Нельзя считать признаком плохого управления, если некоторые из воевавших с нами бывали сурово наказаны"¹⁰. Ход подобных размышлений сегодня, почти два с половиной тысячелетия спустя, в наиболее ярком виде демонстрируют Соединённые Штаты. Точно такие же параллели возникают и при знакомстве с приводимыми П. Андерсоном оценками Аристотеля тенденций Афин и Спарты навязывать другим государствам собственные политические системы – соответственно демократию и олигархию¹¹.

Британский исследователь отмечает, что словарю Римской империи понятие гегемонии было чуждо, в равной степени и в Европе Средневековья и Нового времени оно не прижилось. Показателем этого забвения историк считает тот факт, что даже в переводе Фукидида, выполненном Т. Гоббсом, понятие гегемонии отсутствовало. Новый этап его вхождения в современную политическую практику П. Андерсон связывает с работами увлечённых античностью немецких историков.

В период становления немецкого национализма и зарождения мечты о единой Германии античная концепция гегемонии оказалась идеальным инструментом для обоснования и пропаганды идеи утверждения Пруссии в качестве лидера Германского союза и ведущей силы в решении задачи объединения немецких земель¹². Термин настолько прижился, что был использован Т. Моммзеном в его фундаментальной "Истории Рима",

⁸ См., напр.: Речь о предоставлении империя Гнею Помпею // Цицерон М.Т. Речи: В 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 1. С. 167–186.

⁹ Андерсон П. Перипетии гегемонии. С. 14–15.

¹⁰ Там же. С. 15.

¹¹ Там же. С. 16. См. также: Аристотель. Политика // Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998. С. 409–738.

¹² Андерсон П. Перипетии гегемонии. С. 18–26. См. также: Андреев В.В. Война за утверждение прусской гегемонии в Европе и отношение к ней России. СПб.: Тип. М. Ха-на, 1871. VIII + 442 с.

в первом томе которой появилась глава под названием "Римская гегемония в Лациуме"¹³.

Особую главу посвятил П. Андерсон анализу понимания гегемонии в революционной и постреволюционной России¹⁴. Принципиальным отличием подхода к этому понятию в социально-революционной традиции автор считает тот факт, что *гегемония впервые стала рассматриваться не с точки зрения международных отношений и внешней политики, а в контексте внутрисоциальных социально-экономических межклассовых противоречий*. Примечательно, что и в данном контексте проявилась двойственность "жесткой" и "мягкой" силы гегемонии, поскольку в марксистской полемике встал вопрос о противопоставлении *гегемонии* (мягкое влияние) и *диктатуры* (жесткое влияние) пролетариата.

Большевистское понимание гегемонии получило распространение благодаря закреплению в документах Коминтерна и директивах коммунистических партий по всему миру. Именно эта трактовка оказала влияние на лидера итальянских коммунистов А. Грамши, разработавшего концепцию гегемонии как классового идеологического лидерства¹⁵.

У А. Грамши гегемония приобрела свойства, которые сегодня политологи назвали бы доминированием посредством "умной" силы, когда "нормальное" осуществление гегемонии характеризуется сочетанием силы и согласия¹⁶. Как отмечает П. Андерсон, "гегемония оставалась многозначной: немислимой без согласия, неисполнимой без силы"¹⁷.

Британский историк рассматривает развитие концепции гегемонии в межвоенный период¹⁸, разбирает концепции гегемонии К. Шмитта и Г. Трипеля, также противопоставившего гегемонии, основанную на согласии, господству, опирающемуся на силу. По мнению П. Андерсона, важной стороной концепции Г. Трипеля было подчёркивание предполагаемого гегемонией *культурного лидерства*, вызывающего у подчиняющихся её влиянию желание подражать гегемону.

В период между мировыми войнами дискуссии о гегемонии в среде немецких политических мыслителей вращались преимущественно вокруг определения гегемонии, от которого в том числе зависели оценки роли Германии в Первой мировой войне и мировой политике в целом¹⁹. Этот аспект имел важное идеологическое значение в связи с тем, что победившие в войне союзники обвиняли её в развязывании Мировой войны как результата стремления к гегемонии в Европе. Именно из Германии, отмечает П. Андерсон, понятие "гегемония" проникло в политические словари стран

¹³ Андерсон П. Перипетии гегемонии. С. 20. См. также: Моммзен Т. История Рима: В 5 т. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001–2002. Т. 1. С. 107–122.

¹⁴ Революции // Андерсон П. Перипетии гегемонии. С. 27–43.

¹⁵ Грамши А. Наука политики. Как управлять народом. М.: Алгоритм, 2017. 334 с.; Он же. Тюремные тетради. М.: Политиздат, 1991. 559 с.; Он же. Избранные произведения: В 3 т. / Пер. с итал. М.: Изд-во иностранной лит., 1957–1959; Мушинский В.О. Антонио Грамши: Учение о гегемонии. М.: Междунар. отношения, 1990. 139 с. О Грамши у П. Андерсона: Андерсон П. Перипетии гегемонии. С. 35–43. См. также: Anderson P. The Antinomies of Antonio Gramsci. L.; N.Y.: Verso, 2017. 179 p.

¹⁶ Андерсон П. Перипетии гегемонии. С. 37–39.

¹⁷ Там же. С. 43.

¹⁸ Между мировыми войнами // Андерсон П. Перипетии гегемонии. С. 44–64.

¹⁹ Там же. С. 50, 55 и др.

Антанты²⁰, однако после заключения Версальского мирного договора пропагандистская необходимость клеймить Германию за гегемонизм отпала, а применять данный термин в отношении себя победители не желали, вследствие чего интерес к нему пошёл на спад²¹.

Отдельная глава работы британского историка посвящена послевоенному периоду²². В этой части книги рассматриваются концепции гегемонии Л. Дехийо²³ и Р. Штадельмана, в которых особое внимание отводилось необходимости обеспечения баланса сил в системе международных отношений. В соответствии со взглядами Р. Штадельмана, гегемония представляет собой управляемое равновесие мировой политики, в условиях которого "один маленький шагжок отделяет её положительную корректирующую роль от подавляющего господства, всеобщей власти или даже империи"²⁴. Практику понимания гегемонии как сохранения баланса сил в таком контексте демонстрировала внешняя политика Великобритании и Германии Бисмарка²⁵.

Интерес представляет обзор П. Андерсона подходов немецких политических мыслителей к формированию и росту глобального внешнеполитического могущества США²⁶. Эта часть работы историка вызывает ассоциации с книгой О. Шпенглера "Пруссачество и социализм", отмечавшего пиратскую сущность английской политической культуры, в основе которой, по мнению немецкого мыслителя, лежал дух авантюрной, разбойничьей предприимчивости, детерминированной островным положением Великобритании и морским характером её империализма²⁷.

Отдельный раздел книги П. Андерсон посвятил развитию политологических оценок гегемонии в период холодной войны²⁸. Здесь он анализирует работы ведущего представителя американской внешнеполитической школы прагматизма и политического реализма Г. Моргентау²⁹ и Р. Арона,

²⁰ Между мировыми войнами // *Андерсон П.* Перипетии гегемонии. С. 56–64.

²¹ Там же. С. 59–60. *Carr E.H.* The Twenty Years' Crisis 1919–1939. An Introduction to the Study of International Relations. L.: MacMillan and Co., 1941. XV + 315 p. URL: <https://ia601904.us.archive.org/33/items/in.ernet.dli.2015.189956/2015.189956.Twenty-Years-Crisis.pdf> (дата обращения: 21.05.2019).

²² Послевоенный период // *Андерсон П.* Перипетии гегемонии. С. 65–83.

²³ *Дехийо Л.* Хрупкий баланс. Четыре столетия борьбы за господство в Европе / Пер. с англ. К.А. Фурсова. М.: КМК, 2005. 320 с.

²⁴ *Андерсон П.* Перипетии гегемонии. С. 75.

²⁵ Там же. С. 75–76. См. также: *Сургуладзе В.Ш.* Поиск баланса: Мировой порядок в контексте геополитики, идеологии и коллективной психологии // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 1 (34). С. 241–246.

²⁶ *Андерсон П.* Перипетии гегемонии. С. 80–81 и др.

²⁷ *Шпенглер О.* Пруссачество и социализм / [Пер. с нем.]. М.: Праксис, 2002. 227 с.

²⁸ Холодная война // *Андерсон П.* Перипетии гегемонии. С. 84–102.

²⁹ *Morgenthau H.J.* The Concept of the Political. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2012. 164 p.; *Idem.* Politics among nations: The struggle for power and peace / 5th ed. N.Y.: Knopf, Cop., 1978. XXVIII + 650 p.; *Idem.* The decline of democratic politics. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1969. XII + 430 p.; *Idem.* A New Foreign Policy for the United States. N.Y.: Frederick A. Praeger, for the Council on Foreign Relations, 1969. 252 p.; *Idem.* Vietnam and the United States. Washington: Public Affairs Press, 1965. 112 p.; *Idem.* The Impasse of American Foreign Policy. Chicago: University of Chicago Press, 1962. 312 p.; *Idem.* The Purpose of American Politics. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1960. XI + 359 + VIII p.; *Idem.* In Defense of the National Interest: A Critical Examination of American Foreign Policy. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1951. VIII + 283 p.; *Idem.* Scientific Man vs Power Politics. Chicago: University of Chicago Press, 1946. IX + 245 p.

написавшего политологическое исследование о роли США в мировой политике в качестве "имперской республики"³⁰.

П. Андерсон достаточно подробно освещает тему гегемонии в американской политологии³¹. Он исследует расширение применения понятия гегемонии к новым сферам – не только к дипломатии и войне, но и к торговле, финансам, космическим разработкам, культуре – шахматным доскам, на которых государства конкурируют друг с другом. В данной связи автор ожидаемо обращается к интеллектуальному наследию Дж. Ная, а также затрагивает важнейшую тему *соотношения влияния в мировой политике государств и транснациональных корпораций*.

Много внимания П. Андерсон уделяет идеологизации трактовок гегемонии. Идеологизированное восприятие прослеживается, например, в отношении к гегемонии Ч. Киндлбергера, считавшего, что этот термин неприемлем, так как ассоциируется с применением силы, давлением и угрозами, хотя при этом сами функции гегемонии в политической практике необходимы³². Более подходящим термином, по мнению политолога, является слово "лидерство"³³. П. Андерсон отмечает, что "гегемония, когда она... получила прописку в американской политологии, приобрела там – в отличие от любой прежней версии... экономический пучок значений, который менее всего мог потревожить врождённую либеральную чувствительность"³⁴. Экономическое глобальное доминирование США в послевоенном мире носило явные признаки гегемонии, но американские политологи считали, что предпочтительнее было настаивать на *лидерстве* Соединённых Штатов³⁵.

Примечательной попыткой осмысления феномена гегемонии политологической мыслью США П. Андерсон считает работу Ч. Дорана "Политика ассимиляции: гегемония и её последствия"³⁶. По мнению автора, в период явного упадка, и особенно после дезинтеграции СССР, политический истеблишмент США окончательно отбросил идеологическую стыдливость. Одной из наиболее заметных и показательных политологических работ этого периода стала книга Дж. Ная "Обречённые на лидерство"³⁷. П. Андерсон считает, что одним из способов уйти от неудобного термина была замена гегемонии приобретшей популярность концепцией "мягкой силы"³⁸.

Представляет интерес обзор П. Андерсона идеалистических концепций американской "мягкой" гегемонии после холодной войны³⁹, когда

³⁰ Андерсон П. Перипетии гегемонии. С. 96–100. См. также: Aron R. The Imperial Republic: The United States and the World, 1945–1973. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1974. XXXVIII + 339 p.

³¹ Americana // Андерсон П. Перипетии гегемонии. С. 103–118.

³² Там же. С. 108.

³³ См., напр.: Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / [Пер. с англ.]. М.: Междунар. отношения, 2004. 286 с.

³⁴ Андерсон П. Перипетии гегемонии. С. 109. Ср.: с. 111.

³⁵ Hoffmann S. Primacy or World Order: American Foreign Policy Since the Cold War. N.Y.: MacGraw-Hill, 1978. 331 p.

³⁶ Андерсон П. Перипетии гегемонии. С. 101–102; Doran Ch. The Politics of Assimilation: Hegemony and Its Aftermath. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1971. 237 p.

³⁷ Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N.Y.: Basic Books, 1991. 336 p.; Keohane R.O., Nye J.S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston, 1977. XIV + 273 p.

³⁸ Андерсон П. Перипетии гегемонии. С. 117–118.

³⁹ Там же. С. 234–237.

американские политологи стали оправдывать гегемонию США. Автор отмечает сдвиг в политологическом дискурсе американских аналитиков, произошедший после событий 11 сентября 2001 г., вторжения США в Афганистан и Ирак. В этот период всё чаще стали раздаваться вопросы о том, чем американская гегемония отличается от империи⁴⁰. Получили развитие концепции либеральной империи, которая, преследуя собственные национальные интересы, заодно благодетельствует весь остальной мир. При этом П. Андерсон подчёркивает, что "гегемония и империя – не враждующие друг с другом братья-близнецы, они запросто уживаются друг с другом"⁴¹.

Британский историк констатирует безрассудность курса США на глобальную, а не региональную гегемонию, выразившуюся в двух версиях идеологического обоснования и практической реализации внешней политики – сформулированной при Дж. Буше-младшем "неоконсервативной" и появившейся при Б. Клинтоне и Б. Обаме "либерально-империалистической"⁴². П. Андерсон считает, что Соединённые Штаты утратили способность сдерживать свои амбиции, попытавшись создать глобальную гегемонию, главными вехами на пути к которой стали расширение НАТО к границам России, войны в Косово и Ираке. Вместе с тем он отмечает, что агрессивная внешняя политика США привела к росту в политологических исследованиях количества эвфемизмов, призванных ретушировать гегемонию более нейтральными понятиями⁴³.

П. Андерсон констатирует, что, несмотря на общемировой авторитет классовой концепции гегемонии, разработанной А. Грамши, данное направление исследований практически не оказало никакого влияния на американскую политологию⁴⁴. При этом, по мнению историка, взгляды А. Грамши на роль идеологических, культурных, моральных и интеллектуальных факторов в осуществлении гегемонии на десятилетия опередили концепцию "мягкой силы" Дж. Ная⁴⁵.

П. Андерсон считает, что учёным, которому удалось объединить два направления исследований гегемонии – межгосударственное (внешнеполитическое) и классовое (внутриполитическое), стал Дж. Арриги⁴⁶. "Арриги, – пишет он, – делал основной упор не на идеологию, а на экономику. На международном уровне условием гегемонии представлялась превосходящая модель организации производства и потребления, стимулирующая не только соответствие идеалам и ценностям гегемона, но и повсеместную

⁴⁰ См.: *Ferguson N. Colossus: The Rise and Fall of the American Empire*. N.Y.: Penguin Press, 2004. 384 p.

⁴¹ Андерсон П. Перипетии гегемонии. С. 246.

⁴² Выводы // Андерсон П. Перипетии гегемонии. С. 270–279.

⁴³ Андерсон П. Перипетии гегемонии. С. 255.

⁴⁴ Увядание // Андерсон П. Перипетии гегемонии. С. 119–128.

⁴⁵ Андерсон П. Перипетии гегемонии. С. 142.

⁴⁶ Там же. С. 163–177. См. также: *Arrighi G. The Geometry of Imperialism: The Limits of Hobson's Paradigm* / Transl. by P. Camiller. L.: Verso, 1983. 178 p.; *Arrighi G., Silver B.J. Chaos and Governance in the Modern World System*. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 1999. 336 p.; *Arrighi Дж.* Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век / [Пер. с англ. Т.Б. Менская]. М.: Ин-т общественного проектирования, 2009. 455 с.; *Он же.* Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени / Пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. М.: Территория будущего, 2006. 469 с.

имитацию его как образца в других странах"⁴⁷. Здесь осмысление гегемонии вплотную подходит к концепции глобального заговора транснациональных элит и интерпретации гегемонии в качестве финансово-экономического доминирования в общемировом масштабе⁴⁸.

Интерес для специалистов может представлять раздел книги, посвящённый осмыслению гегемонии в британской политологии⁴⁹. П. Андерсон анализирует английскую школу теории международных отношений⁵⁰. По его мнению, "у английской школы была особая миссия в решении задачи легитимизации гегемонии США"⁵¹, поскольку британские политические аналитики полагают, что только британский опыт способен обеспечить гегемонию США в мире⁵².

Несомненный интерес вызывает предпринятый автором анализ осмысления западных концепций гегемонии представителями незападных культурных традиций. Прежде всего в данном контексте выделяются рассматриваемые им работы Р. Гухи, изучавшего гегемонию Британской империи и борьбу с ней⁵³, синтез английских и местных индийских идеологических течений, использовавшихся для обоснования британского господства в Индии⁵⁴.

П. Андерсон исследует развитие концепции гегемонии в Китае и Японии⁵⁵. Его интерес к конфуцианским концепциям гегемонии и другим древнекитайским интеллектуальным и этическим течениям привносит в анализ особую комплексность. Внимание историка к Японии, Индии, Китаю – отличительная черта книги, придающая ей ценность в контексте сравнительного политологического анализа подходов к рассмотрению гегемонии. Интерес автора к Китаю и Японии в общей структуре работы может на первый взгляд показаться надуманным, однако после прочтения всей книги это первое впечатление исчезает.

⁴⁷ Андерсон П. Перипетии гегемонии. С. 165–166. Ср.: Сургуладзе В.Ш. Глобальные бренды как проводники и носители "мягкой" силы // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 3 (30). С. 163–188; *Он же*. Маркетинговые инструменты на службе транснациональных корпораций: Глобальный брендинг как элемент "мягкой силы" // Гуманитарные науки. Вестник Финансового ун-та. 2016. № 1. С. 37–44; *Он же*. Экономический патриотизм в эпоху глобализации // Патриотизм как идеология возрождения России: Сб. ст. и докл. / Отв. ред. д-р ист. наук Т.С. Гузенкова. М.: РИСИ, 2014. С. 175–187.

⁴⁸ Андерсон П. Перипетии гегемонии. С. 168–171. См. также: *Calleo D.P.* Beyond American Hegemony: The Future of the Western Alliance. N.Y.: Basic Books, 1987. XII + 288 p.

⁴⁹ Андерсон П. Перипетии гегемонии. С. 129–177.

⁵⁰ Там же. С. 247–257.

⁵¹ Там же. С. 253.

⁵² Там же. С. 256, 258 и др. О специфике ориентации Великобритании на США см., напр.: *Филби К.* Моя тайная война: Воспоминания советского разведчика. М.: Прогресс, 1984. 207 с.

⁵³ Андерсон П. Перипетии гегемонии. С. 151–163. См. также: *Guha R.* The Small Voice of History: Collected Essays. Ranikhet: Permanent Black, 2009. X + 666 p.; *Idem.* Dominance without Hegemony: History and Power in Colonial India. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998. 268 p. См. также: Сургуладзе В.Ш. Дилеммы этики и власти: Махатма Ганди и индийский пример гражданского неповиновения как метода политических преобразований // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 1 (40). С. 234–240.

⁵⁴ Андерсон П. Перипетии гегемонии. С. 158–159.

⁵⁵ Там же. С. 178–220.

Однако попытка анализа понятия "гегемония" в Китае и Японии на общем фоне исследования выглядит несколько механической, поскольку, судя по тексту монографии П. Андерсона, исторически, в традициях политического мышления этих стран данный термин в значительной степени носил *этический, моральный оттенок, был связан с внутренней политикой, в силу чего смысловые акценты сильно отличались от западноевропейских*. Британский историк отмечает, что похожие на западные смысловые коннотации в Японии и Китае понятие "гегемония" получило только при соприкосновении с колониальным господством стран Запада⁵⁶. Останавливается автор и на месте гегемонии в политическом словаре маоистского Китая и концепции трёх миров Великого кормчего⁵⁷. Он подчёркивает, что борьба с колониализмом, империализмом и гегемонизмом стала лозунгом внешней политики КНР. Опасность гегемонизма была зафиксирована в китайской Конституции 1975 г., сохранилась в тексте Основного закона 1982 г. и продолжает фигурировать в ныне действующей редакции документа 2004 г. Необходимость остерегаться проявлений гегемонизма во внешней политике стала одним из важнейших постулатов политического наследия Дэн Сяопина⁵⁸.

П. Андерсон анализирует переосмысление древнекитайской политической философии в трудах современных китайских политологов. В частности, он останавливается на взглядах Ян Сютона, главы Института современных международных отношений Университета Цинхуа⁵⁹. По мнению британского учёного, Ян Сютон попытался обосновать более амбициозную трактовку гегемонии с точки зрения национальных интересов КНР, объединив американскую теорию международных отношений с классической политической мыслью Китая, который в концепции китайского исследователя должен извлечь уроки из агрессивного гегемонизма Соединённых Штатов и воплотить в своей внешней политике идеал глобального морального лидерства КНР и авторитет страны – образца успешной модернизации в современном мире.

В условиях роста глобального влияния транснациональных корпораций особый интерес представляет глава книги П. Андерсона⁶⁰, в которой рассматриваются взгляды на гегемонию канадского исследователя Р. Кокса, много лет проработавшего в Международной организации труда ООН⁶¹.

⁵⁶ Там же. С. 208–209. Ср.: *Киссинджер Г.А.* Мировой порядок / [Пер. с англ. В. Желнинова, А. Милокова]. М.: АСТ, 2017. 511 с.; *Он же.* О Китае / [Пер. с англ. В.И. Верченко]. М.: АСТ, 2015. 635 с.

⁵⁷ *Андерсон П.* Перипетии гегемонии. С. 211–214.

⁵⁸ Там же. С. 214. См. также: *Сургуладзе В.Ш.* Дэн Сяопин и идеологическое измерение социально-экономических реформ в Китае // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 1 (40). С. 227–233.

⁵⁹ *Андерсон П.* Перипетии гегемонии. С. 213–220; *Xuetong Y.* Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power. Princeton: Princeton University Press, 2011. XIV + 300 p.; *Idem.* From Keeping a Low Profile to Striving for Achievement // The Chinese Journal of International Politics. 2014. Summer. P. 153–184. URL: <https://scinapse.io/papers/2125792626> (дата обращения: 21.05.2019). См. также: *Кривохиж С., Соболева Е.* Древность на службе современности: Теория морального реализма Янь Сюэтуна и будущее мирового порядка // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 11. Т. 61. С. 76–84.

⁶⁰ Поперечный срез // *Андерсон П.* Перипетии гегемонии. С. 221–232.

⁶¹ *Cox R.W.* Production, Power, and World Order. Social Forces in the Making of History. N.Y.: Columbia University Press, 1987. 500 p.; *Сургуладзе В.Ш.* Прекариат – новый

В концепции гегемонии Р. Кокса анализируется рост влияния глобального класса менеджеров, сфера интересов которых выходит за пределы государственных границ и объединяет силы глобальных предпринимателей, создавая новую иерархию глобального порядка, формирующую систему международных институтов. По мнению Р. Кокса, именно транснациональные классовые блоки формируют новую глобальную силу, претендующую на гегемонию. Канадский политолог считает, что "гегемоническая система гарантировалась прежде всего не средствами власти или принуждения", а внедрением несправедливых механизмов социальной власти во внутренние экономические институты и традиции других государств, а также "в связанные с ними идеологические, культурные и политические нормы"⁶².

Транснациональное финансовое лицо гегемонии проявляется в навязывании культа потребления и "здорового смысла" в контексте следования ограниченным эгоистическим потребностям отдельной личности и *отрицания какой бы то ни было идеологии при фактическом насаждении идеологии общества потребления*⁶³. Пропаганда сосредоточения на личных интересах частных лиц, отрицающая необходимость идеологии, приводит к тому, что граждане становятся неспособными формулировать свои политические требования, не умеют мыслить категориями коллективных интересов и действий, что приводит к неспособности представить иной, альтернативный порядок вещей и позволяет сохранять властный статус-кво правящей финансовой и политической элите. "Транснациональный аспект гегемонии... в наибольшей степени осуществляемый через культуру, – отмечает П. Андерсон, – остаётся самым неисследованным"⁶⁴. Также неизученными остаются и взаимосвязи транснациональной гегемонии с её международными и внутригосударственными аспектами. Между тем, считает автор, в силу глобализации капитала анализ этих аспектов представляет особую актуальность и практическую важность. В условиях развязывания Соединёнными Штатами глобальных торговых войн и возникновения дискуссий о возможной деглобализации мира с этим утверждением П. Андерсона сложно не согласиться.

Книга "Перипетии гегемонии" обретает особую актуальность при рассмотрении политического положения Европы после Второй мировой войны и в современном мире в условиях доминирования США в НАТО и нарастании противоречий между странами "старой" и "новой" Европы и в их отношениях с ведущими глобальными геополитическими игроками.

Интересен предпринятый автором анализ возможного развития гегемонизма в современной Европе⁶⁵. Прежде всего П. Андерсон уделяет внимание гегемонистским устремлениям Германии, которая не только стала крупнейшей экономикой и самой населённой страной ЕС, но и определяет

революционный класс информационной эпохи: Глобальная трансформация рынка труда и её социально-экономические и политические последствия // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 4 (49). С. 210–227.

⁶² Андерсон П. Перипетии гегемонии. С. 226.

⁶³ Там же. С. 229–232. См. также: Сургуладзе В.Ш. Глобальные бренды как проводники и носители "мягкой" силы. С. 163–188.

⁶⁴ Андерсон П. Перипетии гегемонии. С. 277.

⁶⁵ См.: Амбиции // Андерсон П. Перипетии гегемонии. С. 258–269.

многие стандарты Европейского союза. В русле этих размышлений британского историка находится громкое заявление канцлера Германии А. Меркель, в мае 2019 г. призвавшей Европу изменить своё место в мире, поскольку "вмешательство России" в выборы, экономическое влияние Китая и монополия США на цифровые сервисы вынуждают страны ЕС выступить единым фронтом⁶⁶. В контексте работы П. Андерсона весьма симптоматично, что именно канцлер Германии указала на необходимость консолидации Европы. Подобные высказывания не могут не вызывать в памяти прямых ассоциаций с разрабатывавшимися в прошлом и возникающими теперь гегемоническими концепциями немецких политических аналитиков.

Подводя итог, можно сказать, что книга П. Андерсона посвящена балансу силового и морального влияния в политике. Приводимые автором примеры свидетельствуют о том, что баланс этот сохранить очень сложно, а подчас практически невозможно. В результате, как указывает британский историк, гегемония становится империализмом с хорошими манерами⁶⁷. В связи с этим данный труд вполне можно было бы назвать "Империализм и гегемония".

П. Андерсон отмечает, что "традиционно... истории применения термина „гегемония“ в отношении внутригосударственных и межгосударственных вопросов существовали порознь, поскольку второе значение структурно больше склоняет к её трактовке в регистре принуждения, а не убеждения"⁶⁸. При этом "за более чем два тысячелетия термин „гегемония“ не раз менял смысл и место пребывания"⁶⁹. Таким образом, основной вывод, который можно сделать после знакомства с книгой П. Андерсона, заключается в том, что толкование и использование политических понятий обусловлено текущей политической конъюнктурой, диктующей идеологическую и пропагандистскую повестку дня, а значит, и интерпретацию сложных политических категорий, к которым, кроме понятия "гегемония", можно отнести и многие другие, не менее важные и сложные феномены политической жизни, среди которых, например, находятся такие понятия, как "империя", "демократия", "суверенитет".

Книга П. Андерсона представляет собой введение в историю политических учений и политическую философию. Местами текст перегружен цитатами и недостаточно чётко сформулированными мыслями. Разнообразие освещаемых автором подходов к гегемонии делает его монографию похожей на тематический сборник, однако после прочтения её восприятие обретает целостность. Кроме того, при работе с такими сложными темами, охватывающими разные страны и разные эпохи, невозможно создать простую и стройную логику повествования, а сложность предмета и повествования ни в коей мере нельзя ставить автору в вину.

Книга П. Андерсона, в которой много внимания уделено переходу "мягкого" влияния в "жёсткое" и обратно, заставляет вспомнить предложенную

⁶⁶ Меркель заявила о неприменимости в Европе послевоенных порядков // РБК. 2019. 16 мая. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/05/2019/5cdc8bf29a79474422f6ab0d> (дата обращения: 21.05.2019).

⁶⁷ Андерсон П. Перипетии гегемонии. С. 250.

⁶⁸ Там же. С. 276.

⁶⁹ Там же. С. 274.

Дж. Наем концепцию "умной силы" как баланса и комплексного использования мягкого и жёсткого воздействия⁷⁰ и обретает особый интерес в свете переосмысления рассматриваемых автором проблем с точки зрения указанной концепции американского политолога. В данном контексте гегемония предстаёт в качестве проблемного поля культурной политики.

Благодаря широте охвата рассматриваемых П. Андерсоном исторических примеров книга провоцирует большое количество исторических и современных параллелей, что делает её актуальной и полезной для политических аналитиков, исследующих современные проблемы международных отношений и внутренней политики.

Ключевые слова: *гегемония – гегемонизм – геополитика – империя – империализм – международные отношения – внутренняя политика – социальные и международные конфликты.*

Keywords: *hegemony – hegemonism – geopolitics – empire – imperialism – international relations – internal policy – social and international conflicts.*

⁷⁰ Най Дж.С. Будущее власти: Как стратегия умной силы меняет XXI век / [Пер. с англ. В.Н. Верченко]. М.: АСТ, 2014. 448 с.; Сургуладзе В.Ш. Скрытые методы борьбы за идентичность. "Твёрдая", "мягкая", "умная" – будущее власти в трёх лицах силы // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 4 (31). С. 233–240.